

Ты подарил
мне мне

ЭЛЛА САВИЦКА

16+

Элла Александровна Савицкая

Ты подарил мне небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021139

SelfPub; 2019

Аннотация

Порой, чтобы вылечить душевную рану любимой нужны не медикаменты и пристальное внимание врачей, а любовь и отчаянное желание подарить ей небо... Современная сказка о настоящей любви.

– Уважаемый, Александр Константинович, мы сердечно благодарим Вас за оказанную щедрую финансовую помощь, которая послужит во благо всем нашим пациентам. Таких благодушных людей единицы. Вы даже не представляете сколько сделали для нас, – Юлия Альбертовна, директор местной психиатрической больницы уже в который раз крепко жала мою руку, и мне уже, честно говоря даже стало немного неловко. Давно пора бы привыкнуть к таким благодарственным речам, потому что слышу их с завидной регулярностью. Одни искренние, другие не очень, если учесть, что я требую отчетов за каждую копейку, вложенную в их клиники. Дело не в жадности, а если быть конкретнее, не в моей жадности. Просто если я вручу чек на круглую сумму, а потом не потребую докладов и документальных подтверждений о том, как она была потрачена, я с огромной долей вероятности могу сказать, что процентов девяносто отправится руководству и врачам. А деньги я жертвую не им. Есть люди, которые нуждаются в помощи гораздо больше, чем те, кто регулярно получают зарплату, ходят в сапогах за триста баксов и выглядят лет на двадцать моложе своего возраста. Людям, с определенными патологическими состояниями чаще всего некому помочь. Их либо бросают на произвол судьбы, либо суммы, которые требуются на лечение слишком высоки, чтобы родственники могли их потянуть. Именно поэтому однажды, лет пять или шесть назад, когда мое состояние достигло определенного максимума, я принял решение каждые

полгода вкладывать деньги в разные клиники. Частные. Государственные. Не имеет значения. И не обязательно психиатрические. Просто в этот раз дошла очередь и до этого заведения. Юлия Альбертовна не поникла лицом, когда я поставил ее перед фактом, что себе за труд она может позволить забрать максимум пять процентов. Женщина средних лет, с легкой сединой на висках, но с ухоженной прической и ногтями только руками помахала, сказав, что ее пациенты нуждаются гораздо больше, чем она. И сейчас, находясь в стенах с решетками на окнах я начинаю понимать, что она имела в виду. Никогда прежде не бывал в подобного рода лечебных учреждениях, поэтому, как не подготовленному человеку видеть людей, страдающих психическими отклонениями было тяжело. Некоторые казались абсолютно нормальными, пока мирно сидели за столами и смотрели в окно. Спустя какое-то время я понял, что смотрят они туда слишком долго и чересчур пристально. Другие кричали, третьи смеялись. Атмосфера боли и потерянности от всего мира окутывала тяжестью и безысходностью.

– Вот, смотрите, это наш Валик, – директриса указала рукой на молодого парня, сидящего на одном из стульев у покошенного стола, – он замечательный парень, но страдает деменцией. В его-то возрасте! А это Нина Петровна, у нее болезнь Альцгеймера, к сожалению, этот диагноз неизлечим, и она здесь до конца своих дней. К ней никто не приходит с тех пор, как она сюда поступила, вот уже семь лет.

Я бросил взгляд на пожилую женщину в инвалидной коляске с абсолютно пустым взглядом. Она смотрела прямо перед собой, но казалось не видит и не слышит ничего, что происходит вокруг. Даже у меня, сорокалетнего мужчины, выдавшего немало на своем жизненном пути, что-то неприятно резануло в груди после слов о том, что человека просто выбросили из жизни, как что-то более несуществующее.

– Давайте пройдемся в столовую, – я обратился к Юлии Альбертовне, и та понимающе кивнула.

– Благодаря Вам, Александр Константинович, мы теперь сможем частично обновить аппаратуру, мебель и даже сделать ремонт. Закупим новые койки, я обо всем отчитаюсь, и Вы потом сможете повторно приехать и сами оценить проделанную работу. Ох, Лизочка, – резко переключилась директриса на проходящую мимо медсестру, – мне нужно с вами поговорить о Никите Петровиче, потом подойдите ко мне!

– Хорошо, Юлия Альбертовна, – послушно кивнула молодая девушка, бросила на меня взгляд и вызывая улыбку, оголяя два ряда белоснежных зубов. Вот именно о таких я и говорил. Будь она начальницей больницы, с нее бы спрос был еще более тщательный. – Спасибо Вам, Александр Константинович, вы сегодня прямо праздник устроили нашим. Они здесь торты едят только на выписках, мы им сами их покупаем, и то дешевые. А сейчас вон как уплетают. Еще и добавки просят.

– Я рад, что смог хотя бы чем-то помочь, и думаю, что до-

бавка будет не лишней, – коротко кивнул, прямо намекая на то, что торт все же для пациентов, а не для персонала, и проигнорировал глубокое декольте, намеренно выставленное на осмотр для моих глаз. Еще бы, денежный мешок пожаловал. Грех не воспользоваться случаем.

– Конечно, Вы не волнуйтесь, – заволновалась Ветищева, и строго сказала дешевой кукле в белом халате, – Лиза, можете дать еще по кусочку, думаю, на лечение это не повлияет.

– Хорошо, я поняла, – покорно отвела взгляд вертихвостка и отправилась дальше по коридору, вызываяще виляя бедрами.

– Но Лиза права, благодаря Вам сегодня у наших и правда праздник...

– Вы называете их «наши»? – невежливо перебил еще один благодарственный порыв, но слышать о том, какой я волшебник без синей мантии в звездочку уже надоело.

– Да, – грустно улыбнулась женщина, – мы здесь все семья. Пациенты как дети, даже в пожилом возрасте, но мы ведь не будем называть ребенком, например, пятидесятилетнего мужчину, поэтому зовем их просто «наши». Ведь они действительно наши. Двадцать четыре часа в сутки. Мы их кормим, поим, следим, чтобы принимали медикаменты и водим в уборную. Часто строги, если некоторые начинают капризничать, но все мы понимаем, как каждому из них необходимо наше внимание.

– Понимаю, – соглашаюсь с ней и бросаю взгляд на

небольшую, но светлую столовую, в которую мы как раз входим. Небольшое помещение не вызвало ожидаемого негодования. После просмотренных фотографий некоторых больниц я мог сейчас с уверенностью сказать, что Ветищева действительно вкладывает средства не в свой карман. Ожидание не совпало с реальностью в лучшую сторону. Довольно уютная комната с не новыми, но ухоженными столами с красными столешницами, черные стулья с обтянутыми кожей сидениями. Бежевые обои, картина на стене и пусть не совсем белые, но без дыр гардины подтверждали мои мысли. Статьи в интернете пестрили гораздо более устрашающими реалиями. Посреди зала стоял большой стол, на котором занимал свое почетное место заказанный мною заранее трех-ярусный торт. Рядом на полу валялись крошки, а та самая Лизочка отрезала от него кусок. Завидев меня на ее лице снова расцвела улыбка. Я таких видел не одну тысячу раз и уже выработал к ним стойкий иммунитет. Равнодушно отвернулся и скользнул взглядом по занимавшим столы пациентам, которые со светящимися глазами поглощали свой сегодняшний «праздник». Молодые, пожилые, они все были чем-то схожи. Я так и не понял чем, пока не наткнулся взглядом на молоденькую девушку. Темноволосая, с острыми чертами лица и бледной кожей она сидела у окна и смотрела огромными глазами на торт так и не притронувшись к нему. Мое сердце дернулось и сжалось. До остервенения больно, словно в него вонзили лезвие ножа и прокрутили. Эта девушка. Слов-

но призрак во плоти. Она была так непохожа на остальных в этих стенах. В ее глазах билась жизнь, хоть они и казались страшно напуганными. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось ринуться к ней, схватить за руки и поднять на себя лицо, чтобы заглянуть в эти омуты.

– Кто это? – спросил и сам себя еле расслышал.

– Вы о ком? – послышалось слева, а потом директриса проследила за моим взглядом, который буквально прирос к Дюймовочке, едва заметной за огромным столом. – Ах, это наша Николь.

– Николь, – повторил я, смакуя редкое имя. Оно идеально. Так же, как и она. Никки. – От чего Вы ее лечите?

– У девочки столько всего, что сразу и не расскажешь, – в женском голосе проскользнули заботливые нотки, подсказывающие, что к этой девушке особенное отношение. – Ей столько пришлось пережить.

– Расскажите мне, – потребовал, пытаясь представить, какую ношу может нести столь юное создание. Ей лет девятнадцать на вид, если не меньше. Острые скулы выпирают так сильно, будто она вовсе не ест. Руки как у подростка, а кожа прозрачная настолько, что можно рассмотреть мелкие сосуды.

– Ну, хорошо, – слегка замявшись, женщина начала говорить, но отвела меня к окну как раз напротив Николь. Отсюда мне стало видно её еще лучше. – Всё началось с того, что бедная малышка попала в автокатастрофу со всей своей

семьей. Был страшный гололед, и их машина вылетела в кювет. Перевернувшись несколько раз, врезалась в дерево. Погибли её родители и младшая сестра, которой на момент катастрофы было всего четыре года. Такое горе, – взволнованный голос дрогнул и на него отозвалось что-то внутри меня. – Она провела в машине несколько часов пока их не заметили и бедняжку не достали. Наверное, это чудо, но она не пострадала. Во всяком случае физически. Психически ребенок был полностью уничтожен. Представляете семилетней девочке провести столько времени с погибшей семьей?

Я смотрел на выжившую в ужасающей трагедии девочку и не мог отвести глаз. Вся боль отпечаталась на её красивом лице, глубокой тенью отразившись на морщинке между широких бровей. Невозможно представить, что испытывал ребенок рядом с погибшими членами семьи. Бедная маленькая девочка. Сердце сжалось в тугой комок и закровоточило.

– Что было потом? У нее были родственники? – выдавил из себя тревожный вопрос, ведь если после всего её еще и в детдом определили, то это просто жуткое издевательство судьбы.

– Да, у нее чудесная тетя. Родная сестра матери, Марта тут же забрала девочку в свою семью и оформила опеку, – камень, придавивший грудную клетку, с грохотом свалился на пол. Слава Богу она не осталась тогда одна. – Марта очень о ней заботится. С самого детства водит ее по психологам, лучшим в городе и стране. Покупает все необходимые лекар-

ства и каждые полгода привозит сюда на реабилитацию.

– На реабилитацию?

– Да. У Николь обсессивно-компульсивное расстройство и депрессивный невроз. Время от времени ей становится хуже и все, о чем она думает – это о том, что вот-вот умрет. Она отказывается от пищи, очень редко говорит, практически не проявляет никаких признаков нормальной жизни. Целыми днями сидит в своей комнате и смотрит в одну точку. – Господи, если бы я только знал, что эта девочка столько лет уже проходит лечение в этой клинике, я бы приехал сюда раньше. Чем я могу помочь? Я не знаю. Но что-то в ней непреодолимо тянет. Бедная слабая птица с раненым крылом.

– А когда ей становится лучше? – стараюсь не звучать слишком заинтересованно потому, что и так вызываю у директрисы вопросительный взгляд, но мне плевать. Пусть думает, что хочет.

– Когда ей лучше, она даже иногда улыбается. Понемногу ест и рисует.

– Рисует?

– Да, прекрасные рисунки. Хотите, я вам покажу?

Прищуриваюсь, не в силах отвести взгляда от маленькой ласточки, которой бы парить над землей, пробовать вкус жизни и цвести подобно самому красивому цветку, но вместо этого приходится менять стены дома на бетон психбольницы. А потом, потом происходит то, что навсегда изменяет мою жизнь. Николь поднимает лицо и встречается со

мною взглядом. Аквармарины глаза смотрят так пристально, что я перестаю дышать. Сердце останавливается, как поверженное инфарктом, и исцеляется стоит ей слегка склонить голову и прищуриться. Будто она пытается на мне сфокусироваться, а я в этот момент воспаряю в небеса. Душа отряхивает пепел прожитых лет и несется ввысь. Туда, где свет, счастье и вечный Рай. Именно тогда, в ту секунду я решил узнать ее во что бы то ни стало. Меня затрясло как от удара дефибриллятором, чьи разряды запускают сердце и заставляют работать по новой. Мое заработало. Забилося, как ненормальное. Я думал, что после смерти жены никогда больше не испытаю таких сильных эмоций. Но оказывается даже невозможное становится возможным, если на огромных просторах вселенной встречается человек, заставивший сердце биться. Черт, я ведь даже с ней не знаком. Может, она и не подпустит к себе, оттолкнет, испугается. Замкнется в себе еще сильнее. А я этого не хочу. Хочу, чтобы она летала, так же, как я сейчас.

– Александр Константинович? – повторяет Юлия Альбертовна и я моргаю несколько раз в попытке стряхнуть опьянение. – Вам показать рисунки?

– Да, покажите, – киваю, сдержанно улыбнувшись и бросаю еще один взгляд на Николь. Она все еще смотрит на меня, и у меня как у четырнадцатилетнего пацана вдоль позвоночника мурашки бегут от одного ее колдовского взгляда.

– Пойдемте.

Рисунки оказались обычными. Просто дом на краю земли на одном. Парк с аттракционами на другом. Пушистые коты на третьем. Конфеты и сладости на четвертом. Их были десятки. Изображений, нарисованных цветными карандашами. На первый взгляд можно подумать, что их нарисовал ребенок. Но для меня каждый из них был прекрасен, так как через них я мог узнать о Николь хоть что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.